

Языковой субстандарт в ткани художественных произведений современных писателей

Т.А. Кудинова

РГСУ, Ростов-на-Дону

При общей тенденции к расширению стилевого пространства современной литературной речи ввод субстандарта, мотивированный установкой на словесную игру и разнообразных коммуникативных функций, становится обычным явлением. Можно привести многочисленные примеры субстандартных единиц, допускаемых в литературную речь с различной психологической и коммуникативной мотивацией. Некоторые из них прошли «фильтры языкового вкуса» и приобрели популярность именно благодаря уместному контекстуальному использованию. Выявление авторских приоритетов в отношении использования субстандартных единиц – это показатель отношения к ценностному потенциалу национальной лексики [1, 144-145], в составе которой имеются как литературные лексемы, так и нелитературные в широком смысле этого слова. Весь диапазон субстандартных средств в авторском тексте репрезентирует своеобразие языковой культурной действительности определенного периода и имеет знаковый характер. Среди многих современных авторов по широте использования субстандартной лексики заслуживают внимания такие произведения, как «Гроза с Дону» В.П. Бурняшева [2] и «Гастролёр» Р.Л. Трахтенберга [3], в языковой ткани которых естественность языка, наряду с употреблением литературных единиц, достигается диалектными, просторечными и жаргонными. Анализ субстандартной лексики указанных авторов интересен тем, что писатели-современники погружают нас в разные эпохи русской языковой действительности – вторая половина XVI века у В.П. Бурняшева и начало третьего тысячелетия у Р.Л. Трахтенберга.

Историческая повесть В.П. Бурняшева «Гроза с Дону» освещает становление казачьей общины на Дону и зарождение культурных традиций. В повести использованы как вымышленные имена героев, так и имена реальных исторических лиц. В «Сказе-зачине» автор признаётся, что писать ему было и легко, и трудно: «легко – сам казак, а трудно – почти нет письменных источников того периода» [2, 4]. Однако писатель хорошо знает детали казачьего уклада и язык своих предков, из которого многое сегодня находится либо в пассивном запасе, либо забыты вообще. Его введенные просторечные и диалектные слова в ткани произведения представляют собой гармоничный узор на фоне активных единиц речи. Ср.: «**Мартыны** (здесь и далее жирный курсив наш – Т.К.) *на время прекратили свой пронзительный «хохот» и жадно поглощали рыбу*» [2, 8] (мартын – народное название некоторых видов крачек); «*Ухватившись обеими руками за **ратовище**, человек всей тяжестью тела старался удержать древко копья, у основания которого бил водоворот, и во все стороны летели брызги*» [2, 8] (старорусское *ратовище* – «древко копья или рогатины»); «*По весне дуб зазеленел всем своим молодым листовым убором, скрывая небольшую пещерку, вымытую **коловертью** вод*» [2, 9] (областное *коловерть* – «то же, что и коловорот, т.е. сильное вращательное движение воды»; в постраничной сноске оно толкуется автором с указанием на место этого физического явления («*водоворот на реке или весной в овраге*») с пометой «староказачье» [2, 9].

Интересно то, что В.П. Бурняшев, виртуозно владея языком предков, воспроизводит речь героев так, как будто мы её воочию слышим: «*Чей ты, человек? **Откудова** попал у **стен**? **Хто** рану **те** **исделал**? – бормотал парень сам себе под но – А уж беспокойный, страсть. **Хучь** путами **тя** обвивай. А **одежка** дюже богатая. Чисто князь. **Коли** по **Христу** судить – православный. А **ежели** по **лику**, да по **одежке** – **басурман**. **Може**,*

бродник? А може, не приведи Бог, казак? Ну кады очухаишьси, тады и поспрашаю тя» [2, 10]. В этом монологическом фрагменте пять риторических вопросов не только привлекают наше внимание, но и вместе с героем погружают нас как в его размышления, так и в свои собственные, делая как бы соучастниками отдалённой эпохи. Речь героя-незнакомца сразу завораживает наличием устаревших народно- и традиционно-поэтических слов (*лик, басурман* ‘человек иной веры (преимущественно о магометанине’ [4, т. 1, 64]), уменьшительно-ласкательного слова *одёжка*, а также употреблением форм из праславянского языка *тя, може*).

Надо заметить, что обращает на себя внимание и слово *бродник*, которое совсем неизвестно современному читателю, но, как историк, писатель вводит его в речь своего персонажа с целью показать, что в XVI веке оно было, видимо, хорошо знакомо каждому человеку. Слово *бродники* часто упоминаются в русских летописях, поскольку они неоднократно принимали участие в междоусобных войнах русских князей и в русско-половецких русско-татарских битвах. Ныне существует две этимологические версии лексемы *бродники*: 1) люди тюрко-славянского происхождения 2) люди ираноязычного происхождения.

Языковые особенности речи незнакомца (форма *у стен*; мужской род вместо женского; вопросительно-относительное местоимение *кто*; возвратная форма глагола *очухаишьси*; уступительно-усилительная частица *хучь*) указывают на его принадлежность к южновеликорусскому наречию, поэтому дальнейшее содержание разговора не заводит парня в тупик с повстречавшимся раненым казаком. В их речи значения диалектных и просторечных слов хорошо были известны коммуникантам. Оба героя говорят на южнорусском диалекте. На это указывает в этих фрагментах прежде всего сильное яканье (*бядя, яё* и далее *бязал* и др.) и смягчённая глагольная флексия в форме 3 лица мн. ч. наст. вр. (*величаютъ по-всякому* и далее *стоитъ звон* и др.). Парню знакомы и существительное *батог* ‘устар., обл. Палка, трость’ [4, т. 1, 65], и глагол *гуторить* ‘обл. Разговаривать, беседовать’ [4, т. 1, 359], а также из их уст звучат одни и те же формы слов (наречия *игде, дюже*, союз *аль/али*, частица *ба*, местоимения *мя, ты, ся* и др.).

В.П. Бурняшев, воссоздав реалии второй половины XVI века с помощью историко-лексического и этимологического материала, внёс неоценимый вклад в реконструкцию лексической системы русского языка. Он пытается возродить значимые забытые русские слова, поскольку они не оскорбляют человеческое достоинство, а, наоборот, располагают коммуникантов к доверительному диалогу. Ср.: старославянские формы звательного падежа *парубче, хлопче, человеце*, народно-поэтические *лик, зазноба-любущка, добры молодцы, атаманы-молодцы* с лексемами современного молодёжного жаргона *салага, молокосос, мужик, морда, харя, тёлка* и пр. Писатель всякий раз делает постраничные сноски (мы насчитали 125 неповторяющихся субстандартных единиц), раскрывая их значение и происхождение не по словарным статьям, а на основе собственных познаний. Его «попутные этимологии» в основном с пометами «старорусское», «донское», «казачье», а также «украинское», «тюркское», «турецкое», «татарское», «монгольское» «польское» представляют интерес в изучении становления языковой культуры русского народа. Книга, несомненно, интересна не только узким специалистам (в доступных нам словарях нет слов *мешкотно, окомёлок* и др.), но и всем тем, кто не равнодушен к судьбе своего родного языка.

Проанализировав субстандартную лексику повести «Гроза с Дону», можно сказать, что автор не стремился воссоздать подлинный язык второй половины XVI века, да и это практически невозможно. Перед ним, очевидно, в связи с возрождением казачества стояли другие задачи – показать не только их традиции и обычаи, но и оживить казачий язык, представить самобытное и общенародное в речи вольных людей. И это ему удалось. В использовании субстандартных слов В.П. Бурняшев продемонстрировал эмоционально-экспрессивное богатство и эстетику национального русского языка, его огромные, беспредельные возможности оттенков значений чарующего слова в изображении

донского казачества. Однако языковой субстандарт современной действительности представляет собой некую семантическую полярность той субстандартной лексики, которая использована в повести В.П. Бурняшева.

В настоящее время социальная база субстандarta расширяется и в то же время расшатывается. Носителями его могут быть люди, обладающие совершенно разными социальными и возрастными характеристиками. Заметим, они отличаются друг от друга, например, не по уровню образования, а уровнем речевой культуры, формализовать который пока не представляется возможным [6, 10]. Ср. также: «Просторечие – проблема социолингвистическая, а в социолингвистике действует, как правило, многомерный подход с учетом личностной и социальной характеристики собеседников, их установок, намерений, общего опыта, предыстории и условий протекания разговора» [7, 17]. Функциональный анализ субстандarta выявляет как неоднородность самого языкового материала, так и культурно-социальную неоднородность его носителей. С одной стороны, языковая личность, тяготеющая к субстандарту (при формальном владении нормативной базой), характеризуется «зависимостью от коллективно-групповых навыков и вкусов, отсутствием критического и творческого отношения к языку. Для носителей такого «нормального» просторечия характерна социально-культурная несамостоятельность, потребность в корпоративной опоре или иллюзии ее», приверженность к моде, к культурной продукции временного или поверхностного достоинства» [8, 18]. С другой стороны, опора на просторечие в современных условиях отсутствия цензуры может стать основой идиостиля у авторов, которых нельзя обвинить в недостатке общей и мыслительной культуры, начитанности или отсутствии «осознанного отношения к языку», непонимании самоценности выразительных возможностей слова. Показательным в этом отношении могут быть произведения известного шоумена, журналиста и писателя (имеющего ученую степень) Р. Трахтенберга. Рассмотрим подробнее текст его повести «Гастролёр», в которой субстандарт представлен просторечными словами, жаргонизмами и инвективами с включением обценной лексики.

Повесть представляет собой рассказ главного героя о своих фантастических приключениях, в которых субстандартная лексика, реализуя игровое начало, выполняет некую рекламную функцию (ср. заголовки некоторых глав: «Упал, очнулся, влип-с...», «То понос, то золотуха», «Кака», «Я мстю! И мстя моя ужасна!», «Без бумажки ты какашка»). К каждой главе имеется эпиграф – анекдот или байка, нередко с включением нецензурной лексики. Сам текст повести изобилует анекдотами субкультурной тематики, которая вносит огромные искажения в сложившиеся мировые культурно-национальные традиции. Ближайшее окружение главного героя именуется жаргонными словами уголовно-арестанской сферы функционирования (*амбал, бухало-инструктор, кореш, корешки, чувак, придурок, придурки, лох, лохи, пацаны, козлы*), грубо-просторечными (*упрямый пердун*) и в редких случаях разговорными (*здоровяк, растяпа*). Язык главного героя примитивен (в основном субстандартные глаголы: «бухали вместе», «оттянулись», «косили урожай», «развожу туристов» ‘обманывать’; «нужно срочно драпать домой», «рубанул по клавишам», «тыркнул кнопку вызова»; «плюхнулся на топчан», «грохнулся на кровать», «задрали цены», причём восторженность, наряду с наречиями типа *охрененно, гламурненько, классно*, передаётся также глагольными лексемами *офигеть, обалдеть*).

При сопоставлении речевого поведения героев повести В.П. Бурняшева и Р.Л. Трахтенберга в экстремальных ситуациях обращает на себя внимание языковая скромность первого («басурманы повязали да в полон уволокли» и «купцу Азовскому продали», «гнали в Азов-град», а потом «в туретчину грозились отплыть») и беззастенчивость второго, речь которого наполнена инвективами и грубым просторечием:

... пора было снова напомнить **говнопродюсеру**, где я нахожусь.

Впрочем, какой бы строй здесь ни был, надо бежать отсюда на х...!!! Я грохнулся на кровать и уставился в потолок: «Стою на асфальте, в лыжи обутый. То ли лыжи не едут, то ли я ...**нутый**».

Может, просто он как организатор – г...но?

- Центр – г...но; оборудование – старое г...но, организации никакой, а цены – обычные, – честно сказал я.

Герой повести «Гастролёр», имя которого совпадает с именем писателя, – Роман Трахтенберг, виртуозно владеет сленгизмами («*Я по мелочи не тырю*»; «*С конкретными пацанами*» работать, как показывает опыт, значительно легче, чем с *понтовыми торгашами*»; «*Что если монарх снова увлечется какой-нибудь телкой из демократической страны...*»), жаргонизмами наркоманской субкультуры («*Добрые люди (теперь я хотя бы вспомнил, что они не наркобароны) могли положить мне на посешок*» *косячок* или «*дорожку*») и криминальным жаргоном («*Я знал их погоняла, они мое, и мы периодически сталкивались в барах, рестораниках, на дискотеках...*»).

Чтобы отобразить современные языковые реалии, писатель Трахтенберг намеренно пренебрегает нормативной лексикой, поскольку субстандарт более выразителен: «... упрямый *пердун* будет долго ругаться и *крыть* мистера Эба в Инь и Ян»; «... нужно срочно *драпать* домой, *рубанул* по клавишам, *тыркнул* кнопку вызова». Однако, возможно, несправедливо сейчас делать упрек ныне покойному талантливому человеку в отношении отсутствия авторской языковой деликатности, но факт остаётся фактом: в тексте повести обцензизмы печатаются полностью, отточия используются редко. И здесь, конечно, уместно вспомнить А.П. Чехова как языковую личность, в структуре которой на первом месте стоит деликатность: в полном тридцатитомном собрании сочинений художественных текстов и писем не встречается ни одного обцензизма. В двух письмах есть намёк на два грубо-просторечных слова, одно из которых «*чудак на букву “м”*», а другое – по словам автора, то, «*что рифмуется со словом Европа*».

Таким образом, обращение к субстандарту для художников слова является объективной необходимостью в отражении языковой реальной действительности и служит своеобразным стилистическим приемом, с помощью которого адресант пытается сделать свою речь более убедительной или эффективной в процессе речевого общения в определённой среде на определённом историческом этапе развития или регрессии человечества.

Литература

1. Арапова, Н. Эвфемизм [Текст] / Н. Арапова // Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. Изд-е 2, перераб. и доп. – М.: «Большая Российская энциклопедия», Издательский дом «Дрофа», 1997. – 636 с.
2. Бурняшев, В.П. Гроза с Дону. – Сальск, 2004. – 423 с.
3. Трахтенберг, Р. Гастролер [Текст] / Р. Трахтенберг. – М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2007. – 223 с.
4. Словарь русского языка: В 4-х томах. / Под ред. А.П.Евгеньевой. – Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Русский язык, 1981-1984.
5. Большой толковый словарь донского казачества. – М.: Русские словари, Астрель, АСТ, 2003. – 608 с. (БТСДК).
6. Девкин, В.Д. О видах нелитературности речи [Текст] / В.Д. Девкин // Городское просторечие: Проблемы изучения / Отв. ред. Е.А. Земская, Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1984. – С.12-22.
7. Химик, В.В. Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен [Текст] / В.В. Химик. – СПб, 2000. – 280 с.
8. Золотова, Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка [Текст] / Г.А.Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. – М.: изд-во МГУ. 1998. – 524 с.